

САМООТРЕЧЕНИЕ – СЕМЯ ХРИСТОВОЙ ЛЮБВИ В НАС*

Сегодня, возлюбленные, вы слышали толкование св. Иоанна Златоуста на текст апостольского литургийного чтения. Я бы осмелился дополнительно остановить Ваше внимание на словах св. ап. Павла, обращенных к христианам языческого в те времена города Коринфа: «Все у вас да будет с любовью» (1Кор 16:14).

Вы очень хорошо знаете, как часто сегодня говорится о любви. Говорится о любви часто и с церковного амвона. Когда мы открываем Новый Завет, особенно святое Евангелие, мы читаем слова Спасителя, знаем какая самая важная новозаветная заповедь. Читаем, читали и будем читать и в будущем, до тех пор, пока можем, Христовы слова: *Да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики; Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас.* (срв. Ин 13:35,34). И вот вы видите, что еще на заре христианства среди коринфских христиан наступили разделения. Даже один христианин совершил ужасающий грех кровосмешения. Дошло до того, что христиане начали судиться в гражданском суде, т.е. у язычников.

Почему так трудно мы слушаем и в такой малой степени слышим заповедь Христову о любви? Потому что для того, чтобы открылся слух не просто ума, но и сердца для этой заповеди, чтобы благовестие новозаветной любви вошло в нас, нужно не только раскрыть наши души и сердца, нужно то, что во все времена, а особенно сегодня, очень немногие решаются сделать – нужно, чтобы христианин встал на путь отречения от самого себя.

* Слово, произнесенное Его Преосвященством Триадицким Епископом Фотием в храме св. Великомученика Димитрия Сливенского в городе Сливен, 24 августа/6 сентября 2009 г

Видите ли, в Новом Завете, а он как вам известно, написан на греческом языке, слово, которым означает христианская любовь, Христова любовь, неизвестная до того времени любовь, употреблялось в то время у язычников для обозначения любви друзей между собой, любви детей к их родителям, любви родителей к своим детям. Для плотской любви, любви между мужчиной и женщиной, в ее более низших измерениях, в греческом языке есть другое слово.

Итак, Христова любовь, всходы Христовой любви не могут расти, если у нас всходят и набирают силу семена самости, самолюбия, чувства собственной высокой значимости, потребности в том, чтобы другие нас замечали, слушали, ценили. Христова любовь, даже в своем зародыше, в своих всходах, требует усилий для борьбы против всего того, что я только что перечислил: во-первых, требуется сознание, что необходима такая борьба, и во-вторых – эта борьба должна быть на деле. С призыванием Господа, с предстоянием пред Господом, с простосердечным желанием жить по Его святым заповедям. Вот что нужно для того, чтобы все у нас было с любовью, и вот почему далеко не все у нас получается с любовью – потому что ни у кого из нас просто нет решимости, нет смелости, нет желания расстаться со своей собственной самостью, самолюбием, с сознанием и сладостным чувством своей высокой значимости.

Если стремление жить по Христовым заповедям хотя бы в какой-то степени будет у нас взаимным, то тогда рождается истинная христианская община. В противном случае мы, может быть, только готовимся стать христианами, а может быть, даже наоборот, падаем вниз и из христиан превращаемся, если можно так выразиться, в язычников в христианской упаковке. Но истина в том, что без взаимности, без взаимного стремления в этом направлении мы не можем быть христианской общиной.

Да, о любви действительно говорится много. Давайте попытаемся побеседовать о некоторых простых в духовно - практическом плане вещах.

Видите ли, стремление получить и проявить любовь основано на доверии и открытости. Однако, когда мы сюда, в храм или в свои взаимоотношения, как христиане вообще, вносим мирской дух, который, увы, глубоко проник в нас, то мы очень легко можем злоупотребить доверием того, кто желает проявить любовь, получить любовь. Как? А просто если примем это за наивность, если каким-либо образом пренебрегнем этим доверием. Скажем, есть общая работа в храме. Священник обращается к вам с просьбой – я, естественно, имею ввиду прихожан, - посильно включиться в эту совместную работу. Есть люди, к сожалению, это единицы, которые простосердечно откликаются, идут и включаются. Однако есть и такие, кто сразу отказывается, потому что это может нарушить какие-то их планы, потому что у них просто нет достаточно ясных побуждений к этому; они начинают оправдываться перед самими собой тем, что они заняты и утомлены, хотя объективно это не совсем так, и оказывается, что на деле откликаются один или двое, а другие – их просто нет. И что получается? Где искренность, где открытость пред Господом и пред братьями и сестрами во Христе? Как часто случается такое? Почти во всех приходах основную работу выполняют один, двое, трое ... Я не хочу сказать ничего лично против кого бы то ни было, ни судить кого бы то ни было за то, что кто-то не включился в ту или иную работу. Но думаю, что вы хорошо понимаете, о чем идет речь.

Даже и нехристианин готов проявить любовь, если проявление любви не нарушает его внутренний комфорт, если это доставляет ему не совсем правильно понятое удовлетворение, если оно питает чувство его собственной значимости. Опять же – это не новая заповедь о любви. Это не проявление Христовой любви! *Да любите друг друга, как Я возлюбил вас,* говорит Господь (Ин.15:12). Любовь, даже в ее малейших проявлениях, хотя в любви не существует крупного и мелкого, бескорыстна, чиста. Корыстной может быть любовь тогда, когда я делаю

что-либо с целью непременно самому испытать приятное чувство. Удовлетворение от истинной любви радует душу, просветляет душу, но и укрепляет душу в ее стремлении бороться с самостью; оно делает душу еще более подготовленной жертвовать и покоем, и отдыхом ..., именно жертвовать. Любовь связана с жертвой, любовь дает. И чем больше дает, тем богаче становится. Любовь не ждет, чтобы взять. Любовь не в приятном и сладостном переживании того, что меня любят. Если мы можем любить чисто, во Христе, духовной любовью, то это, конечно, дарует взаимную радость, дарует внутреннее ощущение счастья, которое несравнимо с земными переживаниями, ибо радуется не наше „я”, не наше самолюбие, не наше чувство своей высокой значимости, а радуется наша богосотворенная личность, которая чем больше дает, чем больше отдает себя в служение Господу и ближним, тем полнее и богаче становится она – наша личность. Вот видите, к чему мы призваны?

О, как больно, когда на фоне этих слов мы проявляем все, что угодно, кроме любви, когда мы проявляем мелочность, когда мы не способны, даже в общих чертах, почувствовать нужду ближнего, боль ближнего, когда во всем том, чем мы руководствуемся, мы мотивированы тем или иным проявлением нашего «я – я хочу сказать, чтобы и меня услышали, я хочу сделать, чтобы и меня увидели. А что говорит Господь в Евангелии: «Пусть левая рука твоя да не знает, что делает правая» (Мф 6:3). Истинная, стоящая любовь всегда проявляет себя скромно, нежно, сокровенно, тихо и, по возможности, – тайно.

Итак, если наше стремление жить так, хотя бы в какой-то малой степени взаимно, я снова это подчеркну, снова повторю, то тогда мы начинаем становиться общиной, христианской общиной, объединенной около кого? Около священника, около епископа? Да. Но неужели около них, как людей и только как людей? – Нет! Община объединяется около Христа Господа, около живого Богочеловека, Который обещал быть с нами

нераздельно до конца времен, а священник, епископ – они просто призваны служить Христу в еще большей степени, чем миряне. Вы понимаете, в чем наша трагедия? Следовательно, наш грех, когда мы вас соблазняем, когда совершаем что-либо противное этому служению, может быть тяжелее, чем все ваши грехи, вместе взятые.

К сожалению, однако, дух времени, как кислота, разъедает мысли, чувства современных христиан. Вы видите, как много соблазнов существует в Церкви – Церковь воспринимается просто как некая институция, богослужение – просто как система обрядов, вера – даже она – как какое-то внешнее делание, как соблюдение чего-то – того, другого, третьего. Где дух? Где истина, которые животворят все это внешнее и делают его стоящим? Вот что такое дух Православия, это дух истинного христианства – там, где существует стремление жить в духе и истине, там, где человек просто прилагает усилия на деле: читает не для того, чтобы вычитывать правило, читает не для того, чтобы прочесть Евангелие, читает для того, чтобы напитать себя, читает для того, чтобы воспринять что-то вот здесь, в своем сердце. Просты и благодатны евангельские слова, но чуть более внимательным слухом слушай их, чтобы услышать, внимательнее смотри, чтобы увидеть – дабы тебе самому стать доброй и плодоносной почвой для семени слова Божия.

Вот, короче говоря, в чем состоят некоторые условия и предпосылки к тому, чтобы все у нас было с любовью. А мы взаимно общаемся друг с другом прежде всего через свои страсти. Потом каемся, потом сожалеем, потом, действительно, иногда желаем проявить любовь. Однако, из-за того, что мы чаще всего общаемся через свои страсти, образ ближнего остается запечатленным в моем сознании и моем сердце прежде всего своими отрицательными проявлениями, через страсти, и я очень часто воспринимаю его именно таким. А почему? Потому что его страсти, как стрелы пронзают и мое самолюбие и вызывают ответный страстный

отклик у меня самого. Если же я не ответил на обиду обидой, то испытываю раздражение, уязвлено мое самолюбие, и я соответственно настраиваюсь к ближнему. Если я ему ничего не сказал, то потом расскажу пяти – шести другим о том, каков он и что мне сказал. Где здесь христианская община, где великодушные, где любовь, которая покрывает грех ближнего?

Итак, *все у вас да будет с любовью*. Вы видите, что этот путь труден, ибо в отличие от человеческой любви, особенно страстной любви, любовь, о которой мы говорим, требует сознательных усилий. Но если мы ее по Божией милости приобретем, если приобретем хотя бы искорки ее, то ощутим и отраду от этой любви. Однако, человек не связывает понятие «любовь» с понятиями «усилия», «борьба с самим собой», «терпение». Любовь должна приходиться сама собой и непременно приносить мне сладостное и приятное чувство – и только! На практике – больше ничего! Во всяком случае, красивых слов о любви – сколько хотите.

Вот к чему возлюбленные, призывает нас наш Господь. И я от всего сердца желаю вашему приходу положить хотя бы начало этому пути, ибо если этого не будет, то может быть скоро, а может быть не так скоро, этот храм станет местом ваших взаимных испытаний, и вместо того, чтобы избавляться здесь от страстей, этот Дом Божий, как бы это печально ни звучало, может оказаться местом проявления отвратительных страстей. Почему? Потому что любви нет между нами, потому что мы не стремимся простосердечно жить по святым Христовым заповедям, потому что у нас нет решительности, нет смелости, нет даже желания всупить в борьбу с самолюбием, самостью, эгоизмом, с сознанием своей собственной высокой значимости, потому что в общении с ближними мы руководствуемся тем, что хотим проявить себя, почувствовать сладость, приятность, удовлетворение в общественной среде от того, что она ценит определенные наши качества. Это – мирское. У нас не должно быть так. А

у нас иногда бывает хуже, чем в миру. Вы хорошо знаете, почему. Просто потому, что эти истины, хотя они отнюдь не такие сложные, остаются где-то в стороне, где-то на периферии нашего поля зрения. А что же в центре? Естественно – мы сами с нашими амбициями, с нашими правами получить то, другое, третье и так далее, – со своей волей, со своими воззрениями. И если моя воля уязвлена, если мое достоинство уронили, если кто-либо скажет мне что-то неприятное, то – достаточно, с меня хватит. Наши отношения тотчас охлаждаются. «Почему только я должен уступать?». В общем, вы понимаете, – начинается то, что происходит каждый день.

Итак, не только прихожанам, но и всем вам, возлюбленные, всей нашей Церкви, т.е. всему собранию верных, всем нам, священнослужителям, и всем вам от всего сердца желаю положить доброе начало, встать на верный путь без шума, смиренно, но истинно, по существу, в истине и духе, чтобы иметь надежду на то, что вопреки всем противным ветрам и бурям, что вопреки повсеместному разнузданному скверному танцу греха, на земле все еще могут быть Христовы последователи, может существовать христианское общество, в котором живо стремление к тому, чтобы все было с любовью.